

ГЛАВА 1

— О как я рада, что последовала вашему совету и пришла сюда! — воскликнула Инесса Васильевна. — Какой закат! Какие краски! И вы правы, вы совершенно правы: это то самое место, с которого Костя писал свое замечательное полотно!

— И вы считаете, что вон те трубы и этот ужасный сарай слева, под обрывом, не портят общего впечатления? — спросил спутник Инессы Васильевны.

— Нет, конечно! Не портят, совершенно не портят! — отвечала художка. — Ведь Костя писал не какие-то красивенькие пейзажики, а саму жизнь, как она есть! В его полотнах уродство этой жизни, ее острые углы преобразуются во что-то совершенно другое, образуют нечто новое. Да, теперь я знаю: он стоял здесь, в этом месте, и писал картину, которую потом подарил мне. Удивительное ощущение от того, что я стою на

этом самом месте! Как удачно, что именно сегодня вы успели вернуться с конференции и привели меня сюда!

— А вас не пугает высота? — спросил ее спутник. — Не страшит этот почти отвесный обрыв?

— Нет, я совершенно не боюсь высоты! — гордо ответила Инесса Васильевна. — Артист не может и не должен бояться высоты! И потом, когда я с вами, я ничего не боюсь — ни высоты, ни злых людей.

— В таком случае давайте подойдем еще чуть ближе, — предложил человек, которому артистка выражала столь горячую благодарность. — Оттуда будут видны некоторые подробности и детали...

— Да, конечно, пойдёмте! — согласилась Инесса Васильевна.

Они сделали еще три шага вперед и теперь стояли на самом краю обрыва. Прямо от их ног на глубину пятидесяти с чем-то метров уходил почти отвесный каменистый склон. Далее он становился чуть более пологим, там темнели кусты акации — сейчас, поздним вечером, они слились в сплошную черную массу. Слева за кустами торчали унылые дощатые сараи, ниже дымили трубы крохотного заводика. А дальше, еще ниже, расстился город.

Ине́сса Васи́льевна раскинула руки, словно собиралась взлететь — возможно, она вспомнила роль Нины Заречной, в которой блистала пятнадцать-двадцать лет назад. А может, просто так выражала свой восторг. И в этот миг что-то резко ударило ее в спину, так что она и правда полетела, но не вверх, а вниз, с обрыва. Она успела издать лишь короткий сдавленный крик, а потом ее тело ударилось о камни, перевернулось, ударилось еще раз. Артистка катилась вниз, пока ее тело не застряло в кустах и не осталось там неподвижно лежать.

Ее спутник еще раз огляделся (он и во время их беседы постоянно оглядывался, точно ли никого нет), а затем начал осторожно спускаться вниз. Надо было убедиться, что дело доведено до конца. А еще его интересовала сумочка Инессы Васильевны, застрявшая между двух камней...

— Нет, товарищ генерал, это не была естественная смерть, — заверил генерала Орлова начальник Татуевского управления полковник Кожемякин.

— Почему же вы так в этом уверены? — недоверчиво спросил начальник главка.

— Потому что такое заключение дали наши криминалисты, — отвечал Кожемя-

кин. — Их заключение гласит, что удары о камни на склоне не явились причиной смерти Инессы Любарской. Смертельным стал удар в висок острым предметом, по всей видимости камнем. И этот удар не мог быть нанесен естественным образом во время падения. Об этом говорят и угол, под которым был нанесен удар, и его сила.

— Хорошо. Значит, вы пришли к выводу, что вместе с Любарской был ее убийца. Но в таком случае он должен был оставить какие-нибудь следы, отпечатки пальцев...

— Нет, товарищ Орлов, к сожалению, убийца не оставил следов. Почва там каменная, на ней следов не остается. А отпечатки пальцев... Очевидно, убийца орудовал в перчатках, так что и отпечатков нет.

— А свидетели? Неужели ни одного не нашли?

— Это чрезвычайно пустынное место, товарищ генерал, — принялся объяснять начальник управления. — Обрыв зарос кустарником, забраться туда трудно — кто туда пойдет? К тому же был поздний вечер, темнело. Нет, свидетелей тоже найти не удалось. Но нас беспокоит не это. Если бы дело ограничилось только смертью Любарской, поверьте, мы бы не стали просить вас о помощи, а обошлись бы своими силами. Дело в том,

что это уже пятая подобная смерть за неполный год. До этого похожим образом погиб известный в нашем городе ученый, востоковед с мировым именем Федор Овчинников.

— Что, он тоже упал с обрыва?

— Нет, он утонул, но при очень странных обстоятельствах. Я не буду сейчас вдаваться в подробности, иначе наш разговор затянется на несколько часов, а я знаю, как дорого ваше время, но прошу поверить мне на слово: обстоятельства смерти Федора Герентьевича Овчинникова также наводят на мысль об убийстве. А еще раньше, до Овчинникова, странным образом умер художник Игнат Денисович Бушуев, он выпал из окна собственной квартиры.

— И что же тут странного? Открыл человек окно, высунулся слишком сильно, вот и случилось несчастье. Ведь тут, я думаю, не было ударов в висок?

— Нет, ударов не было. Бушуев погиб от удара о землю. Но дело было ранней весной, стояли холода, и никто еще не открывал окна нараспашку.

— Да, действительно странная смерть... — протянул Орлов. — А еще двое? Они тоже были артистами или учеными?

— Нет, еще двое погибших были людьми менее известными, — ответил Кожемя-

кин. — Мужчина в прошлом занимался торговлей, а женщина владела сетью гостиниц. Общего у них с погибшими, о которых я говорил, — преклонный возраст и отсутствие следов на месте преступления, что позволяет предположить, что в нашем городе орудует хорошо организованная банда убийц и грабителей. Вот почему я прошу помощи у Главного управления.

— Я понял, Илья Григорьевич, — сказал Орлов. — Что ж, это дело по плечу только одному человеку — Льву Ивановичу Гурову. Сейчас я его вызову и поставлю перед ним задачу. А дальше уже ты будешь излагать ему обстоятельства дела.

Генерал включил селекторную связь и вызвал полковника Гурова. Когда спустя несколько минут знаменитый сыщик вошел в кабинет начальника главка, генерал познакомил его с Кожемякиным и кратко изложил суть дела.

— Как видишь, Лев Иванович, просьба у товарищей из Татуева не пустяшная, — сказал в заключение генерал. — Пять смертей за неполный год — это не шутка. А еще это полное отсутствие следов... Боюсь, в Татуеве тебе придется мобилизовать всю свою смекалку и знаменитую интуицию, чтобы распутать этот узелок. И сделать это тебе

придется без твоего верного друга и спутника Стаса Крячко — для него у меня тоже есть срочное дело, аж в Красноярске.

— Что ж, товарищ генерал, попробую справиться без Крячко, — отозвался Гуров. — Конечно, с ним мы распутываем дела в два раза быстрее, но тут, как я понимаю, важна не скорость, а результат.

— Совершенно правильная мысль, — ответил генерал Орлов. — Ну все, дальше дело за вами. Вперед!

Когда Кожемякин и Гуров вышли из кабинета начальника главка, начальник Татуевского управления сказал сыщику:

— Мы, конечно, можем сейчас пройти в ваш кабинет, и я там изложил бы подробно все обстоятельства этих пяти дел, которые мы объединили в одно, но столь подробный рассказ займет не менее трех часов. А ведь вам надо еще собраться в дорогу... У меня есть предложение. Я приехал в Москву на служебной машине. До нас ехать недалеко, так что мои земляки предпочитают добираться до столицы на поезде или на автомобиле. Так что мы с вами могли бы поехать в Татуев на моем авто. А по дороге я бы изложил вам все подробности этого дела — по крайней мере те, которые мы успели выяснить. Вам ведь не много времени потребуется на сборы?

— Мысль здравая, — согласился Гуров. — Времени на сборы мне и правда нужно немного. Жена сейчас на гастролях — прощаться не придется. Разве что цветы нужно полить. Подъезжайте через час на проспект Мира, к станции метро. И дайте мне ваш номер телефона, чтобы я вас долго не искал.

ГЛАВА 2

Спустя два часа автомобиль полковника Кожемякина миновал последние дома северной окраины столицы и выехал на Ярославское шоссе. По сторонам замелькали перелески в золотистом осеннем уборе.

— Ну вот, теперь мы можем обсудить наше дело детально, — начал начальник управления. — Давайте я вам изложу хронологию этих преступлений. Первое убийство произошло четырнадцатого марта — художник Игнат Бушуев выпал из окна собственной квартиры на проспекте Энтузиастов. Это случилось ночью, около двух часов. Тело пролежало на асфальте до утра, его обнаружили первые прохожие, спешившие на работу. Наши сотрудники, прибывшие на место происшествия, убедились, что

дверь квартиры заперта и следов взлома не имеется. Тщательный осмотр квартиры не выявил следов грабежа. Получается, в квартире в момент трагического инцидента никого не было, кроме хозяина. Такое заключение наши люди сделали вначале, поэтому произошедшее было квалифицировано как самоубийство. Однако с этим заключением не согласились ни родственники Бушуева, ни его друзья. Все, кто знал художника, в один голос утверждали, что на всей земле не существовало человека более жизнерадостного, чем Игнат Бушуев. Как заключил близкий друг покойного, художник Брательщиков, Игнат был принципиальным врагом смерти, и он стал бы последним человеком, который смог бы решиться на самоубийство. Ну, так часто утверждают друзья самоубийц, и мы не обратили бы на эти слова внимания, если бы не еще два обстоятельства. Во-первых, повторный опрос жильцов подъезда выявил одного свидетеля, который припомнил, что ночью, как раз около двух часов, он возвращался домой с ночной смены и видел выходящую из их подъезда незнакомую женщину. Между тем никто из жильцов гостью той ночью не принимал. А во-вторых, мы нигде не смогли найти ключи от квартиры. Их не было

ни среди вещей покойного, ни в прихожей — нигде. Логично предположить, что ключи унесла с собой женщина, вероятная гостья художника.

— А покойного могла посетить гостья? — спросил Гуров. — Я имею в виду, поддерживал ли он отношения с женщинами? Какое у него было семейное положение?

— О, Игнат Бушуев очень даже поддерживал отношения со слабым полом! — заверил полковник Кожемякин. — Он был дважды женат, имел четверых детей от этих жен. К моменту своей гибели он уже год как развелся со второй женой Лизой и жил один. Но по свидетельству его друзей, женщинами он очень интересовался, друзья с ходу назвали двух подруг художника, с которыми он в последнее время встречался попеременно. Естественно, мы допросили обеих, выяснили все, что к ним относится. Но постепенно подозрения относительно этих дам отпали, стало ясно, что обе не причастны к трагедии. Тем не менее дело было переквалифицировано со статьи «самоубийство» на «убийство». Но это такое убийство, в котором нет ни подозреваемого, ни свидетелей, ни мотива.

— Ну, один-то свидетель у вас имеется, — заметил Гуров. — Тот самый работа-

га, который возвращался со смены и видел незнакомку в подъезде.

— Да, свидетель Олег Рубцов никуда не девался, — согласился Кожемякин. — Только фактов он нам сообщил не очень много. Была ночь, а фонарь возле подъезда, как назло, не горел. К тому же Рубцов видел незнакомку с расстояния метров десяти, не меньше. И видит он неважно, у него минус полтора, а очки носить не хочет. Так что фоторобот незнакомки он составить не смог.

— Понятно... — протянул Гуров. — Что ж, Илья Григорьевич, рассказывайте о следующем эпизоде.

— Следующий эпизод совсем другого рода. Произошел он одиннадцатого мая. Жена предпринимателя Олега Востокова пошла за покупками в магазин, а когда вернулась, обнаружила, что дверь открыта, вещи разбросаны по квартире, а в спальне на полу лежит ее муж — мертвый.

— Дверь была взломана?

— Нет, следов взлома нет. Либо у убийцы был собственный ключ, либо Востоков сам ему открыл.

— Дело было вечером?

— Нет, днем, в обеденное время. Бушув выпал из окна около двух часов ночи, а Востокова убили в два часа дня.

— Ну, в таком случае можно рассчитывать на наличие свидетелей. Вы их нашли?

— Да, нашли, причем троих. И они видели, как из подъезда, в котором живут Востоковы, около двух часов дня вышли два человека с большими тяжелыми дорожными сумками.

— Ага, то есть здесь имел место грабеж, — заключил Гуров. — У Востоковых что-то пропало?

— Пропало, многое пропало, — подтвердил Кожемякин. — Дело в том, что Олег Иосифович Востоков известен, с одной стороны, как успешный брокер, занимавшийся покупкой и продажей акций, а с другой стороны — как коллекционер, собиравший старинный фарфор.

— Гжель? Или хохлома? — уточнил Гуров.

— Поднимай выше! Востоков собирал чайные и столовые сервизы северского и старинного китайского фарфора! Всего у него было девять таких комплектов, и двум из них, как мне сказали знатоки, буквально нет цены. А кроме того, у коллекционера имелись фарфоровые статуэтки, настенные блюда с росписью и другие вещицы. И все это бесследно исчезло. Общая стоимость похищенного, по оценкам экспер-

тов, составляет двадцать четыре миллиона рублей.

— Да, в этом деле и мотив искать не надо, — заметил Гуров. — Но если убийц и грабителей видели сразу три человека, их поиски не должны занять много времени. У вас наверняка уже есть их фотороботы?

— В том-то и дело, что нет. Ведь я вам, Лев Иванович, не сказал одну важную деталь. Да, трое свидетелей видели двух мужчин, выходявших из подъезда. Но разглядеть их лица свидетели никак не смогли, потому что они были скрыты масками. На обоих убийцах были маски Деда Мороза! Ну там розовые щеки, седая борода, все такое. Свидетели, увидев такой маскарад, не знали, что и думать. Во всяком случае, ничего плохого им в это время в голову не пришло.

— Но ведь когда-то эти ряженые должны были снять свои маски. Сейчас повсюду висят камеры наблюдения, можно проследить...

— Да, Востоков жил в хорошем районе, где есть камеры, — согласился Кожемякин. — И одна из них зафиксировала, как двое «Дедов Морозов» садятся в машину. И мы позже эту машину отыскивали. Только нам это не помогло: машина оказалась угнанной, а следы своего пребывания в ней

убийцы стерли. А маски, наоборот, оставили — они валялись на полу.

— Хорошо. Теперь расскажите, как был убит Востоков.

— Здесь тоже все прозрачно: коллекционера убили двумя ударами ножом, один удар — в сердце, один — в горло. Били обыкновенным охотничьим ножом, который бросили здесь же, на месте преступления.

— Да, действительно, второе убийство резко отличается от первого, — заметил Гуров. — Даже непонятно, почему вы их объединили в одно дело.

— Изначально было только одно дело об убийстве — дело Востокова, — объяснил Кожемякин. — Я уже говорил, что смерть Бушуева мы вначале квалифицировали как самоубийство и только к маю решили его переквалифицировать. А тут как раз подошло дело Востокова. И поскольку, несмотря на все различия, в этих эпизодах присутствуют схожие черты, мы их объединили.

— Ясно... Что ж, думаю, мы можем двигаться дальше. Как я понимаю, у вас есть еще три эпизода.

— Да, еще три смерти, — подтвердил Кожемякин. — Однако... Что у нас за окном?

Вопрос был адресован водителю — молчаливому парню в полицейской форме, который за всю поездку не проронил ни слова.

— Мы только что проехали Переславль, товарищ полковник, — ответил водитель.

— Вот оно как, уже Переславль! — воскликнул Кожемякин. — Значит, скоро поедем Ярославль, а там и до нас недалеко. До Татуева максимум часа два осталось ехать. Надо мне поторапливаться, если я хочу рассказать обо всех эпизодах. Подробно изложить события не получится, но я постараюсь рассказать самое главное.

Третье убийство произошло седьмого июня. Впрочем, это выяснилось позже, когда было найдено тело и проведено вскрытие. А так события начались девятого июня, когда руководство университета обратилось в полицию с сообщением об исчезновении своего сотрудника, известного ученого, востоковеда с мировым именем Федора Овчинникова. Ну, вы знаете, что дела, связанные с исчезновением людей, у нас расследуются не так быстро, как дела о грабежах или убийствах. Лишь спустя два дня в полиции завели дело об исчезновении ученого и начали его поиски. И в тот же день, одиннадцатого июня, ры-

баки обнаружили в реке Сить, в двадцати километрах от города, тело неизвестного мужчины. Было установлено, что это как раз тело Овчинникова. Естественно, мы начали искать место, где ученый упал в реку, выяснять обстоятельства произошедшего. Только спустя несколько дней место трагедии было обнаружено. Выяснилось, что ученый упал в воду в пяти километрах выше по течению, в глухом, совершенно безлюдном месте. И опять поначалу мы не собирались квалифицировать произошедшее как убийство. Все выглядело как несчастный случай. Ну, стоял человек на берегу реки, голова у него закружилась, может, стало плохо с сердцем (Овчинников, кстати, страдал от ишемической болезни сердца), и он упал в воду и захлебнулся. Однако опять, как в случае с Бушуевым, нашлись обстоятельства, не позволившие рассматривать эту смерть как несчастный случай. Во-первых, никто не мог объяснить, каким образом востоковед попал на берег реки Сить. Он не рыбачил, никогда не купался в реках, вообще не интересовался природой. Что заставило его отправиться в это глухое место? А во-вторых, когда полиция наведалась в его квартиру, выяснилось, что ее кто-то вскрывал.

— То есть в этом случае дверь отпирали не ключом? — уточнил Гуров.

— Именно, дверь была взломана, причем очень неумело. Соседи ничего не заметили из-за особой конструкции дома — на лестничной площадке расположена только одна квартира, и никто не видит и не слышит, что происходит у соседа. Да, дверь квартиры Овчинникова взломали, но зачем это было сделано, осталось непонятно — из квартиры, по всей видимости, ничего не пропало.

— А кто сделал такой вывод, что ничего не пропало? Жена, дети?

— Ученый был женат, но жена умерла за два года до описанных событий, а детей у них нет. Одно время даже думали, что квартира отойдет городу ввиду отсутствия наследников, как вдруг у покойного обнаружилась сестра, живущая в Новосибирске. Нет, заключение об отсутствии кражи сделали наши сотрудники, проводившие осмотр помещения.

— А не могло ли стать мотивом убийства желание получить эту квартиру? Сестру проверяли на предмет возможной причастности к гибели Овчинникова?

— Да, эта мысль нам тоже пришла в голову, и мы эту гипотезу отработали и выяс-

нили, что сестра покойного, Надежда Самодурова, не причастна к гибели востоковеда. Там в деле есть некоторые детали, но я не буду сейчас на них останавливаться, у нас нет времени. Перехожу к четвертому эпизоду. Он случился двадцать третьего августа и связан со смертью известной предпринимательницы, владелицы сети гостиниц Ирины Анатольевны Зверевой. Она была убита в собственном доме, после чего этот дом был ограблен. Исчезла ценная коллекция старинных икон и монет, которой Зверева очень гордилась. Почерк убийц тот же, что и в случае с Олегом Востоковым: женщина была убита ножом. Ей нанесли три удара в грудь, один из ударов задел сердце. Орудием убийства вновь стал охотничий нож, оставленный убийцами на месте преступления. И, наконец, последний эпизод, случившийся всего четыре дня назад. Двадцать первого сентября гражданин, совершавший утреннюю прогулку со своей собакой на одной из городских окраин, обнаружил в кустах тело женщины. Личность погибшей была установлена быстро, ею оказалась известная актриса, заслуженная артистка страны Инесса Васильевна Любарская.

— Какова причина смерти в этом случае?

— Падение со скалы. Любарскую нашли у подножия так называемой Черной скалы — известного в нашем городе места. У него нехорошая слава, там несколько раз совершались самоубийства. Там обрыв около пятидесяти метров высотой, и если оттуда упасть, смерть практически гарантирована. Видимо, убийца, который, несомненно, находился на скале вместе с Любарской, рассчитывал, что мы расценим ее смерть как акт суицида. Но я уже изложил генералу Орлову причины, по которым мы были вынуждены отказаться от версии самоубийства и увидеть в этой смерти преступление. Собственно, причина одна: заключение криминалистов.

— А квартиру артистки тоже взломали?

— Нет, в данном случае возникло сходство с самым первым эпизодом. Квартира Любарской не была взломана. Но, как и в случае с Бушуевым, необъяснимым образом пропали ключи.

— А вам, случайно, не удалось найти свидетелей, которые видели, как кто-то входил или выходил из жилища Любарской?

Полковник Кожемякин покачал головой:

— Нет, Лев Иванович, такого свидетеля найти не удалось. И понятно почему. Види-

те ли, Любарская жила в таком доме, где у каждого владельца имеется отдельный вход. Никакой общей лестничной площадки нет, никакого подъезда.

— Но обычно подобные дома стоят на охраняемой территории, там есть ворота, и у этих ворот круглые сутки дежурит охрана, — недоумевал Гуров.

— Да, вы правы, охрана там есть. Но охранник следит только за машинами. Мы спрашивали его, он ничего подозрительного не заметил.

— А деньги, документы, ценные вещи — из этого ничего не пропало?

— Нет, никаких следов грабежа. Так что в этом случае, как и с Бушуевым и Овчинниковым, мы не имеем мотива совершения убийства. Поэтому нам никак не удастся найти ту самую ниточку, которая привела бы к преступникам.

— Ну, я уверен, что такая ниточка все же имеется, и, возможно, даже не одна. Надо только понять, где ее искать.

— Вот тут мы целиком полагаемся на вас, Лев Иванович, и на вашу прославленную проницательность, — торжественно произнес начальник управления. — А вот, кстати, и наш Татуев. Успели до наступления ночи доехать.

Дорога забралась на возвышенность, и Гуров разглядел внизу, в долине, город. Вид города сыщику понравился — здесь много зелени, среди которой живописно выделяются красные и синие крыши домов.

— Как раз я успел вам все изложить, — вновь подал голос Кожемякин. — Сейчас мы отвезем вас в гостиницу «Речная» — она и правда стоит возле реки, место там красивое, думаю, вам понравится. А завтра утром познакомитесь с участниками расследования, и начнем работу.

ГЛАВА 3

Начальник Татуевского управления оказался прав: место, где его поселили, Гурову и правда понравилось. Гостиница хорошо устроена, персонал приветлив. А когда Гурова провели в его номер, он понравился ему еще больше.

Перед сном сыщик вышел погулять, дошел до берега реки. Обнаружил на соседней улице кафе. Сейчас оно, правда, было уже закрыто, но объявление говорило, что открывается оно рано. «Отлично, — подумал Гуров. — Завтра утром я смогу здесь позавтракать перед встречей с коллегами». И,

узнав все, что ему было нужно, он отправился спать.

На следующее утро сыщик явился в управление. В кабинете полковника Кожемякина он застал не только самого хозяина, но и еще троих незнакомых людей. Когда Гуров вошел, все встали, и начальник управления по очереди представил их:

— Майор Николай Васильевич Ганчук. — Кожемякин указал на низенького плотного мужчину лет сорока, с волосами соломенного цвета и пронизательными серыми глазами. — Руководит расследованием всех этих убийств. Собственно, это Николай Васильевич и предложил объединить все эти эпизоды в одно дело, после чего стало ясно, что он должен возглавить расследование.

Начальник управления показал на следующего участника совещания:

— Это правая рука руководителя, капитан Роман Волобуев.

Капитан внешне был полной противоположностью своего начальника Ганчука: высокий, худощавый, черноволосый, подвижный. «Интересно, они по характеру так же различаются, как и внешне?» — подумал Гуров.

— Ну а это лейтенант Александр Полудин, — указал Кожемякин на третьего чле-

на группы, спортивно сложенного молодого человека. — Вот, Лев Иванович, основной состав группы, которую я сформировал три дня назад, когда стало ясно, что смерть заслуженной артистки Инессы Любарской тоже является насильственной. Да, с того момента и началась наша основная работа. Теперь мы просим вас возглавить эту работу. — Полковник повернулся к своим подчиненным. — Вам, я думаю, не нужно представлять прославленного Льва Ивановича Гурова.

Четверо оперативников сели вокруг стола, и Кожемякин продолжил:

— Вчера я успел кратко изложить Льву Ивановичу основные обстоятельства дела. Но хочу подчеркнуть, что это было именно краткое изложение. Я не коснулся многих подробностей и деталей, а некоторые из них чрезвычайно важны. Мне было нужно, чтобы товарищ Гуров быстро вошел в курс дела и смог принять решение о направлениях дальнейшей работы. Так что сейчас я хочу передать слово Льву Ивановичу. Отныне он для вас — главный начальник, и он решает, что кому делать.

Взгляды присутствующих обратились на Гурова в ожидании, что он скажет. И он сказал:

— Пока что основную задачу я вижу в том, чтобы вникнуть в дело поглубже. Думаю, все вы знаете, что огромное значение имеют те самые подробности и детали, о которых говорил Илья Григорьевич. Я должен изучить каждый эпизод, познакомиться со свидетелями, с родственниками и друзьями погибших — в общем, предстоит обычный сбор информации. Думаю, этот этап займет у меня дня два. Попрошу кого-нибудь из вас составить для меня полный список таких собеседников, с адресами и телефонами.

— Я составлю такой список, — вызвался майор Ганчук.

— Хорошо. А что нужно будет в эти два дня делать вашей группе? Я вижу две очевидные задачи. Во-первых, необходимо провести повторный осмотр квартир погибших. Кто проводил осмотр в первый раз?

— Квартиры Бушуева и Востокова осматривали другие сотрудники, — ответил Ганчук. — Тогда никто из нас еще не был подключен к этому расследованию. А потом... Жилище Овчинникова осматривал капитан Волобуев, квартиры Зверевой и Любарской — мы с лейтенантом Полудиным.

— Понятно. Теперь поменяйтесь: пусть квартиру ученого осмотрит майор, а капи-

тан отправится к актрисе и владелице гостиниц. И распределите, кто осмотрит дома Бушуева и Востокова. Я хочу, чтобы вы внимательно осмотрели дома тех троих, у которых, по-видимому, ничего не пропало. Неужели прямо-таки ничего? Нет ли каких-нибудь странных моментов? Вот. Это одно дело. А второе — надо проследить судьбу сокровищ, похищенных у Востокова и Зверевой. Здесь мотивы преступлений налицо: бандиты убили владельцев коллекций, чтобы завладеть ими и продать. Не на полочку же они их себе поставили? Следите, не появились ли этот фарфор и иконы на рынке. Вот вам задачи на ближайшие два дня. Пожалуй, и на больший срок хватит. Теперь я хочу спросить, нет ли у кого-нибудь из вас собственной версии случившегося? Пусть даже сумасшедшей, такой, которую вы не решаетесь высказать? Если что-то такое есть, скажите, смеяться не буду и другим не дам.

После последних слов сыщика участники группы переглянулись. Несколько минут царило молчание, и Гуров уже решил, что безумных версий ни у кого нет, но капитан Волобуев внезапно произнес:

— Я хочу сказать, товарищ полковник. Если вы не возражаете, конечно.